

МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ДИСКУРСА: ФАКТОРЫ, ПАРАМЕТРЫ, ЕДИНИЦЫ

Т. А. Пивоварчик

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Поступила в редакцию 26 марта 2024 г.

Аннотация: в статье обосновывается положение о том, что в условиях глобальной медиатизации коммуникативных потоков и медиаопосредованности всех дискурсов наблюдается новый тип варьирования национальных языков — медиалингвистический. Выделены четыре фактора, обуславливающие существование медиалектов в русском языке. Описаны три параметра медиалингвистического варьирования русского языка. Предложен перечень языковых и речевых средств, которые выступают в качестве единиц медиалингвистического варьирования. Утверждается, что медиалекты формируются там, где обнаруживается системный характер совместного варьирования медиаструктур и языковых/речевых структур.

Ключевые слова: русский язык, медиалингвистика, языковая вариативность, языковой вариант, медиалект, медиатизация.

Abstract: the article substantiates the position that in the conditions of global mediatization of communication flows and mediation of all discourses, a new type of variation of national languages is observed — mediallynguistic. Four factors have been identified that determine the existence of medialects in the Russian language. Three parameters of mediallynguistic variation in the Russian language are described. A list of linguistic and speech means that act as units of mediallynguistic variation is proposed. It is argued that medialects are formed where the systemic nature of the joint variation of media structures and linguistic / speech structures is revealed.

Keywords: Russian language, mediallynguistics, language variation, language variant, medialect, mediatization.

Цель данной статьи — предложить для обсуждения и в то же время попытаться обосновать следующее положение: «В условиях глобальной медиатизации коммуникативных потоков и медиаопосредованности всех дискурсов наблюдается новый тип варьирования национальных языков — медиалингвистический; медиалекты становятся значимыми формами существования современных языков». Как известно, каждый национальный язык не гомогенная система, но гетерогенная совокупность подсистем, которые отражают актуальные для текущего состояния общества матрицы общения. Подсистемы эти, иначе называемые разновидностями языка, формами существования языка, идиомами, конечно же неоднородные. И дискуссии об их статусе и взаимной соотносительности сегодня на пике дня (к слову, единодушия нет ни в терминах, ни в подходах).

Одной из самых известных моделей вариативности выступает трехмерная модель, которая была предложена немецким лингвистом Э. Косериу еще в 1969 г. [1, 165] и в которой выделяются три вида вариативности: вариативность в обществе: от профессиональных социолектов и групповых жаргонов до, например, идиолектов поэтических школ (см. напр. [2]); вариативность в пространстве: диалекты, региолек-

ты, нациолекты, городская речь — и этот перечень мы можем продолжать (см. напр. [3]); вариативность в коммуникативной ситуации: стилевые разновидности языка (стили и подстили), а также активно изучаемые в последние годы языки для специальных целей, «языки для общих целей» (обыденные языки), искусственно моделируемые подязыки и т.д. [4]. Интерес исследователей сегодня также сосредоточен на варьировании между устной и письменной речью, исследуются различные субстандартные разновидности, например пиджинизированные формы языка. Так что представленный перечень может и должен быть расширен, и, прежде всего, если мы обратим внимание на базовые — внешние по отношению к языку — факторы, на основе которого выделяются те или иные языковые варианты.

Все дело в том, что языковая ситуация под влиянием процессов медиатизации и глокализации быстро меняется. Отмечаются сдвиги в отношениях между компонентами языковых состояний (в частности — между контактирующими в новых, цифровых, условиях языками). И на повестке дня снова встает вопрос о том, какова актуальная стратификация русского языка. Б. Ю. Норман отмечает: «Объективную данность сегодня представляет продолжающаяся функциональная специализация русского языка, нарастающее “многоречие” (термин Б. М. Гаспарова)»

[5, 31]. Представляется, что сегодня в этом многогребни свое место занимают новые типы варьирования, связанные с фактором медиаопосредованности почти всех дискурсов. Показательно, что научный коллектив исследователей Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, определяя Глобальный индекс русского языка в мировом пространстве, из шести параметров, отражающих его конкурентоспособность, три параметра (то есть половину) напрямую связал с медиа [6, 7]. Проведенные исследования показывают, что русский язык, если оценивать сферы его употребления, превращается в язык бытовой коммуникации в социальных сетях и в языке массмедиа. Таким образом, можем сделать вывод о том, что сегодня на сдвиги в языковой ситуации ключевое влияние оказывают сами новые медиа с их технологиями и внутренней медиалогикой, а также практики активного освоения этих новых медиа носителями [7, 189]. При этом практики обретают форму речевых паттернов, и последние становятся одним из объектов наблюдения медиалингвистов.

Язык погружается в технологизированную медиасреду. И это обуславливает поиск новых исследовательских подходов и развитие понятийно-терминологического аппарата медиалингвистики — не без влияния теории технологического детерминизма (медиадетерминизма), восходящего к трансформационной теории медиа М. Маклюэна о том, что медиа не просто передают сообщение, но изменяют (трансформируют) его [8]. Об этом пишет Л. Р. Дускаева: «Текстообразование чутко реагирует на технологические изменения в СМИ. В этой сфере тексты создаются особым образом: речевая материя отливается в тех формах, которые ей создают каналы коммуникации. Новые технологии диктуют обновление правил создания текстов, обеспечивают их непрерывную связь, делающую создание текстов потоком, изменяют нормы этики и эстетики общения в этой среде. Так что влияние медийности на речь представляется сегодня существенно более глубоким, чем это казалось в начале 2000-х. Проблема эта далека до своего завершения» [9, 57–58]. Поиски подходов к изучению влияния медийности на язык и речь привели, в частности, к появлению термина «медиалект». Впервые он был употреблен в 2004 г. в работе датского ученого С. Хьярварда, где ученый указал следующее: «...любой анализ все более опосредованного использования языка обществом должен также учитывать языковые варианты, возникающие из конкретных медиа» [10]. Сосредоточив свое внимание на победном освоении медиaprостранства английским языком, С. Хьярвард также метафорически обозначил медиалекты как «новые локации глобализации» (The New Localities of Globalization) [10, 95].

Следует отметить, что идея о «медиалектах» не нова. И каждый раз, когда происходили суще-

ственные изменения в системе медиа (в их широком понимании), вставал и вопрос об особых языках. Известна дискуссия 1930-х гг. между М. М. Бахтиным и В. В. Виноградовым по поводу понимания стратификации языка. М. М. Бахтин указывал на «внутреннюю расслоенность единого национального языка на социальные диалекты, групповые манеры, профессиональные жаргоны, языки поколений и возрастов, языки направлений, языки авторитетов, языки кружков и мимолетных мод, языки социально-политических дней и часов» [11, 15]. Г. Лёффлер, описывая в 1985 г. совокупность вариантов немецкого языка, наряду с функциолектами, социолектами и т. д., выделил и описал варианты по средству коммуникации, названные им медиалектами [12, 46]. В 2012 г. Т. В. Шмелёва в совместной монографии «Неклассические письменные практики современности», рассуждая о важности фактурной реализации медиатекстов и различая их первичную и вторичную фактуру, пишет следующее: «Что же составляет существо интернет-письма и как оно должно быть интерпретировано в плане социальной и функциональной дифференциации языка? Кажется, есть основания признать за этим фрагментом современной русской речи статус новой формы существования языка (субкода, регистра языка)» [13, 187].

На наш взгляд, сегодня можно говорить о четырех факторах, обуславливающих существование медиалектов. Первый фактор — неоднородность медиасреды, сама сущность которой определяется тем, что она мультиплатформенная, мультиканальная, интермедиаальная. Второй фактор — в медиасреде существуют практически неограниченные возможности для создания сетевых сообществ с собственными коммуникативными структурами. Это приводит к неуправляемой фрагментации медиасреды и к созданию множества субкультур, которые порождаются в медиасреде (сведения об этом медиалингвистика может почерпнуть в сетевой антропологии). М. Ю. Сидорова в работе 2022 г. отмечает, что еще в начале 2000-х гг. такое «разнообразие форматов интернет-коммуникации, каждый из которых обладает своим набором лингвистических, жанровых и других характеристик, не проявляющихся или менее выраженных в других форматах», отсутствовало, а сегодня «заслуживает отдельного рассмотрения. Что релевантно для «Инстаграма», может не иметь отношения к ватсапу, что типично в «ТикТоке», не интересно для исследователя форумной коммуникации или электронных СМИ, и т. д.» [14, 67]. Третий фактор — медиасреда становится главной «средой обитания» дискурсов, а дискурсы становятся медиадискурсами, приобретая новые, ранее не свойственные им языковые переменные. Это особенно заметно при анализе дискурсов институциональных — например, в твиттер-дипломатии или в сетевых диалогах о медицине. Четвертый фактор — медиасреда

в целом и ее фрагменты на разных цифровых платформах задают особенные паттерны коммуникативной и когнитивной деятельности современного человека. Таким образом, медиалекты формируются в дискурсах, вырастающих в процессе совместного использования платформ членами сообществ. При этом медиалекты, в свою очередь, становятся важными системообразующими факторами фрагментированных медиадискурсов.

На данном этапе представляется возможным говорить как минимум о трех типах параметров медиалингвистического варьирования. Первый параметр — географический: информационное (виртуальное, сетевое) пространство поделено на определенные локусы, его структура имеет сетевой характер: не случайно ведь используются метафоры медиаландшафта, медиапространства, медиагалактики и т.д. Виртуальная география интернет-собеседников и их языковых общностей может находить свое подтверждение в реальности (сетевые группы жителей одного города или чаты живущих в одном доме), а может полностью формироваться на новых основаниях (вплоть до создания на интернет-площадках так называемых сетевых государств со своими «условными» языками и со своей «условной» языковой политикой). Второй параметр — «социальный»: здесь главное доказательство — результаты проводимых по всему миру исследований в области так называемой цифровой этнографии, а также материалы не поддающихся подсчету работ, посвященных сетевым сообществам (онлайн-сообществам). Иначе их еще называют «цифровыми диаспорами» и «виртуальными диаспорами», в которых вырабатываются свои нормы, ритуалы, правила взаимодействия, в том числе посредством использования вербальных средств, утверждаются свои идентичности. Третий параметр — «ситуационный»: в отношении медиалектов обсуждать его представляется даже излишним. В то же время представляется, что «формирование определенных субязыков в медиапространстве — это не только явление текущей реальности, а потому можно говорить не только о русском медиалекте конкретного сетевого сообщества, но и о русском медиалекте конкретной газеты» [15, 109].

Взаимосвязанность и взаимообусловленность этих параметров для варьирования в медиасреде закономерна. Названия параметров не случайно взяты в кавычки — это скорее метафоры. Представляется возможным приложить характеристику, данную цифровым этнографом, профессором информационных наук Орхусского университета А. Маркхам стабильным онлайн-сообществам, и к языкам как средству коммуникации этих сообществ: «границы выстраиваются дискурсивно, на основе связности, интересов и потоков: а не географии, национальности или близости» [16, 1130]. Вероятно, появление и размытие таких границ может быть предметом исследо-

вания. Дискурсы (и дискурсивные практики) исследуются, речевые практики исследуются. Возможно, медиалект — это следующий уровень погружения в указанные практики, с повышенным вниманием к системе языка.

Закономерно встает вопрос: а что же, собственно, выступает в качестве единиц варьирования? В качестве тех самых «медиалектизмов»? Представляется, что мы их обнаруживаем на многих уровнях, в частности в следующем: в специфике кодовых переключений; в специализации лексико-семантических переменных, отражающих способы существования информации и отношения к знанию (одни языковые единицы принимаются, другие — отвергаются); в значимости грамматических переменных, когда то, что особо значимо для сообщества, начинает закрепляться и на уровне грамматики (упомянем здесь только в качестве примера агрессивную интеръективацию многих дискурсов «ТикТока»); в особом использовании паралингвистических средств (пунктуация, заглавные буквы и т.п.); в устойчивых шаблонах фатикки, в том числе формулах сетевого этикета.

Но самой характерной чертой всех медиалектов, что определяет и особенную их позицию в стратификационной системе языка, пожалуй, является их бесконечная способность к микшированию, блендированию, размыванию и преодолению границ, установленных языковой системой, что позволяет именно в особой синтагматике, сцеплениях, связях, диффузиях речевых формаций обнаружить специфичность кода, с помощью которых дискурсивные сообщества и воспроизводят себя. Представляется, что если обнаруживается системный характер совместного варьирования медиаструктур и языковых структур, тогда можно говорить о медиалектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) / Э. Косериу // Новое в лингвистике. — Вып. 3. — М., 1963. — С. 143–343.
2. Северская О. И. Язык поэтической школы: идиолект, идиостиль, социолект / О. И. Северская. — М., 2007.
3. Горицкая О. С. Язык и границы: Лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси / О. С. Горицкая. — Минск, 2021.
4. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику / А. С. Александров. — Н. Новгород, 2003.
5. Норман Б. Ю. Какая новая русская грамматика нам нужна? / Б. Ю. Норман // Сборник тезисов Международного научного симпозиума «Русская грамматика 4.0». — М., 2016. — С. 30–32.
6. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). — Вып. 2. — М., 2022.
7. Пивоварчик Т. А. Медиалект в контексте теорий языковой вариативности / Т. А. Пивоварчик // Славян-

ский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. В 2 ч. — Гродно, 2022. — Ч. 1. — С. 188–195.

8. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. — М., 2007.

9. Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития / Л. Р. Дускаева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2018. — № 6. — С. 48–74.

10. Hjarvard S. The Globalization of Language. How the Media Contribute to the Spread of English and the Emergence of Medialects / S. Hjarvard // Nordicom Review. — 2004. — Vol. 25 (1). — P. 75–97.

11. Бахтин М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин. — М., 2012. — Т. 3.

12. Крючкова Т. Б. Зарубежная социалингвистика. Германия, Испания / Т. Б. Крючкова, Б. П. Нарумов. — М., 1991.

13. Шмелева Т. В. Интернет-письмо как новая форма существования языка / Т. В. Шмелева // Неклассические письменные практики современности. — Великий Новгород, 2011. — С. 186–193.

14. Сидорова М. Ю. Субъект и субъектность в интернет-коммуникации: 20 лет спустя / М. Ю. Сидорова // Речевая коммуникация в сетевых структурах: между глобальным и локальным. — М., 2022. — С. 65–105.

15. Пивоварчик Т. А. Вопрос о медиалексах как формах существования языка в медиасредах / Т. А. Пивоварчик // Медиатизация практик современного общества: проблемы и перспективы. — Владимир, 2023. — С. 104–110.

16. Markham A. Ethnography in the Digital Internet Era: From Fields to Flows, Descriptions to Interventions / A. Markham // The SAGE Handbook of Qualitative Research. — CA, 2018. — P. 1129–1162.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Пивоварчик Т. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики,

E-mail: t.pivavarchyk@grsu.by

Yanka Kupala State University of Grodno

Pivavarchyk T. a., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism Department

E-mail: t.pivavarchyk@grsu.by